

В ЧУДЕСНОМ МИРЕ МУЗЫКИ

НА СПЕКТАКЛЯХ
ТЕАТРА
«ЛА СКАЛА»

Опера Пуччини

Наши миланские гости показали последнюю оперную постановку своего гастрольного репертуара — «Богему» Дж. Пуччини.

Музыкальное действие этой оперы часто развивается из диалога вокальных и оркестровых реплик, а оркестровые мотивы-характеристики как бы цементируют музыкальную ткань, связывают ее в единое целое. Именно поэтому столь велико при исполнении «Богемы» значение руководителя оркестра — музыканта, способного не только все великолепно слышать, но и рельефно выявить для слушателя все многообразие музыкального единства.

Сценическая история «Богемы» весьма пестра: популярность ее мелодий (подчас даже напоминающих оперетту) определила исключительную репертуарность оперы и, как почти неизбежное, — рождение дурных постановочных градаций. Но к листам партитуры «Богемы» прикасались руки и таких великих дирижеров, как А. Тосканини, Г. Малер. И тогда слушатели могли ощутить всю истинную ценность творения итальянского музыканта.

Нечто подобное испытали и мы, слушатели миланской постановки оперы, осуществленной под руководством Герберта Караяна. Это тоже был настоящий праздник оперной музыки. Во всю свою драматическую силу загордели голоса оркестра. Например, в последнем действии, в трагические минуты увядания Мими. Как трепетно и хрупко звучат здесь флейты! Как впечатляют трагические унисоны высоких скрипок, оплакивающих угасающую жизнь! Как выразительно вступление валторн в момент смерти девушки!

Караян замечателен в своем мастерстве «собиранья» симфонического целого; и вокальные партии, и тембровые голоса оркестра, и сценическое действие — все связывается им в один драматургический узел, все органически взаимосвязано и поэтому с огромной силой воздействует на слушателя. Можно оспаривать отдельные темпы — порой, может быть, излишне (а может быть, и непривычно) подвижные (ариозо Рудольфа в первом действии), то, наоборот, замедленные, с несколькими нарочитыми ферматами (вальс Мюзетты). Но все это не имеет почти никакого значения потому, что в общем органически входит в творческий замысел музыканта с ясно выраженным своим ощущением музыки, умеющего властно подчинить слушателя своему замыслу.

Режиссер спектакля (он же и его художник) — Франко Джеффирелли резко отошел от стиля сценического воплощения традиционной большой оперы: в его мизансценах много движения, живо и гибко откликающегося на частую смену контрастных музыкальных эпизодов. Но порой все же, на наш взгляд, постановщик слишком увлекается своим замыслом, и тогда действие становится несколько суетливым, отвлекающим от музыки.

Так, например, превосходно задумано и во многом осуществлено сценическое воплощение второй картины: живое действие в подвальном кафе Латинского квартала разворачивается в атмосфере праздничной парижской улицы, полной шума, движения, суеты. И все же, думается, что в наиболее важные моменты

«внутреннего» действия следовало бы найти средства, чтобы «притушить» движение на вторых планах, дав возможность слушателю сосредоточиться на главном.

Среди исполнителей безусловно первое место принадлежит Мирелле Френи, любившейся москвичам уже в партии Лиу («Турандот»). Превосходно звучит ее ровный во всех регистрах голос, выразительна и высокомузыкальна ее фразировка. И все это сочетается с удачно найденным развивающимся сценическим образом героини — от наивной девушки первого действия до глубоко страдаю-

щей женщины — в последнем.

Рудольф — Джанни Раймонди покоряет слушателей верхним регистром своего редкого голоса, менее интересного в среднем. Сочный, теплый образ Марселя создан артистом Роландо Панераи. Мюзетта — Элла Винченци обладает хорошими внешними сценическими данными, но оставляет, к сожалению, меньшее впечатление вокальным исполнением, особенно знаменитого вальса, в котором не хватало необходимого блеска.

Огромное наслаждение получили слушатели «Богемы» от ансамблей, безукоризненно вокально выровненных, крепко пластически спаянных. Впрочем, в этой поста-

новке, пожалуй, более сировато говорить не о вокально-инструментальных ансамблях: голоса оркестра становятся здесь полноправными участниками музыкальной драмы.

«Художник должен уметь все возвысить», — писал Г. Флобер, — он подобен насосу, который доходит до недр вещей, до самых глубин русл. Он впитывает и гигантскими снопами выбрасывает к солнцу то, что было распластано под землей и не было видно». Эту характеристику миссии большого художника можно отнести и к дирижеру «Богемы»: он заслужил ее своей вдохновенной работой над оперной партитурой Дж. Пуччини.

Б. ЯРУСТОВСКИЙ.

Вдохновенное исполнение

«Реквием» Верди — одно из величайших музыкальных созданий. Это произведение довольно часто звучит в наших концертных залах. Мы помним несколько выдающихся исполнений «Реквиема» советскими музыкантами. И вот теперь нам дана возможность услышать этот шедевр в исполнении соотечественников великого композитора. Скажем сразу: исполнение было превосходным. Лучшие качества талантливого коллектива театра «Ла Скала» — его солистов, хора, оркестра проявились здесь с наибольшей силой и яркостью.

Хоры звучали безупречно. Исключительная стройность, чистота интонаций, колоссальная динамическая амплитуда звучания напоминали некий идеальный инструмент. Работа с хором большого мастера Роберто Бенальо дала блестящие результаты.

Большая роль в «Реквиеме» отведена четырем солистам. Именно певцам поручил Верди наиболее проник-

новенные границы своего сочинения. Большие грудности вокальных партий требуют от исполнителей огромной музыкальности и острого чувства ансамблевого пения. И надо сказать, Леонтина Прайе (сопрано), Фьоренца Коссото (меццо-сопрано), Карло Бергонци (тенор) и Николай Гяуров (бас) своим пением доставили много радости любителям вокального искусства.

И, наконец, о том, кто объединил весь этот замечательный состав исполнителей. Герберт Караян — один из самых выдающихся дирижеров нашего времени — хорошо знаком советским слушателям по прекрасным записям классической музыки, а также по гастрольям Венского симфонического оркестра, во главе которого он приезжал к нам. Искусство этого художника исключительно многогранно и постоянно ново.

Наибольшая близость авторским указаниям, пропу-

щенная сквозь призму собственного отношения к исполняемому, — самая характерная черта дирижера. Поэтому так просто и естественно звучит все, что рождается под его волшебными руками. Кажется порой, что иначе звучать эта музыка и не может.

Конечно, в каждом «живом» исполнении возможны шероховатости и недочеты. Были они и в исполнении «Реквиема». Но суть не в этом. Наши слушатели, признанные ценители прекрасного, и на этот раз продемонстрировали это качество, свое гостеприимство в полной мере.

Евгений СВЕТЛАНОВ.
Главный дирижер
Большого театра
Союза ССР.

28 СЕН 1964

ПРАВДА
г. Москва